

роман грачев...

...and action!

Роман Грачев ...and action!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17194859

ISBN 9785447452186

Аннотация

Молодой и амбициозный журналист Виктор Вавилов, главный редактор глянцевого журнала, пребывает на грани нервного срыва. Кредитор требует срочного возврата долга, угрожая физической расправой; любимая жена, кажется, собирается подать на развод; подчиненные на работе явно не готовы выполнять поставленные задачи. Все меняется, когда в руки Виктора попадает видеокамера его друга, телевизионного оператора. Нужно просто нажать кнопку «гес» – и все будет... хорошо?

Содержание

От автора. Режиссерская версия	5
Пролог	8
Часть первая. Плохие дни	10
1	10
2	18
3	34
4	50
5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

...and action!

Роман Грачев

Дизайнер обложки Роман Грачев

© Роман Грачев, 2018

© Роман Грачев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-5218-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора. Режиссерская версия

Роман, который вы решили сейчас прочесть, был написан в 2008 году и через год издан одним из гигантов книжного рынка в бумажном варианте под названием «Экстрасенс». По настоятельным рекомендациям редакторов мне пришлось значительно изменить авторскую структуру текста и переименовать главного героя. Да и свое собственное имя тоже пришлось подкорректировать – на обложке «Экстрасенса» в качестве автора фигурирует не Роман Грачев, а некто Сергей Асанов, которого я откопал в старом электронном телефонном справочнике. К роману было написано два продолжения, также изданных в 2009 году: «Тринадцать» и «Ведьма».

Большого успеха у читателя эта мини-серия детективов не имела, и тому есть ряд объективных причин, одна из которых – недостаточное внимание со стороны издательства к дальнейшему продвижению продукта. Для гиганта, ежегодно выбрасывающего на рынок тысячи новых наименований, я был слишком мелкой рыбешкой. Как следствие, остатки десятитысячного тиража трилогии можно и сейчас купить в некоторых интернет-магазинах по сниженной цене.

Не могу сказать, что пылаю большой страстью к этим работам. За восемь лет многое изменилось – и язык, и стиль, и мироощущение. Но я бы соврал, сказав, что не испытываю

легкие приступы ностальгии, когда вижу на книжной полке черные корешки с фамилией «Асанов». Сами по себе рассказанные истории и сейчас кажутся мне неплохими. Поэтому, как только истек срок договора с издательским гигантом, я решил их реанимировать. Первым в переработку ушел роман «Тринадцать» – он лег в основу книги «Томка. Тополиная, 13», четвертой части сериала про частного детектива Антона Данилова и его шептунную шестилетнюю дочурку Тамару. Теперь вот руки дошли и до «Экстрасенса».

Перед вами своеобразная «режиссерская версия» книги, имевшей изначально название «Внимание, съемка!». Я вернул тексту его почти первозданный вид. Кое-что причесал, выбросил все лишнее и избавился от немотивированных ругательств (боже, каким матерщинником я был восемь лет назад!). Признаюсь, в процессе работы над этой версией я получил и читательское удовольствие, будто редактировал чей-то чужой текст, не зная, чем все закончится – ощущения, схожие с теми, что испытываешь при встрече со старым другом, которого не видел много лет. Надеюсь, и вам эта история придется по вкусу и поможет скоротать какой-нибудь тихий вечерок.

А что касается всей этой «милой» суеты вокруг экстрасенсов и парапсихологии... Возможно, восемь лет назад история выглядела относительно свежей (отсюда и отчаянное желание моего бывшего издателя подогнать продукт под актуальную тематику), но сейчас многое вызывает скептиче-

скую улыбку, в том числе и у меня самого. Но улыбаться нам никто не запретит, не так ли?

Словом, «...энд экшн!»

Мотор! Поехали!

Пролог

...Как, ты говоришь, тебя зовут? Михаил? Миша, значит... А я Виктор... типа Победитель по латыни, соратник Марса и Юпитера. Уменьшительно – Витя. Мне тоже очень приятно...

А тебе надо все это слушать? Зачем? Ты меня, может, видишь в первый и последний раз... Думаешь, сможешь помочь?..

Люблю оптимистов. Знаешь, я им сам когда-то был. С юных лет, можно сказать, впитал в себя эту ерунду про стакан, наполовину пустой и одновременно наполовину полный. А есть еще, знаешь, у Шендеровича: оптимиста в детстве уронили... на пессимиста. Здорово, да?

...Хреново мне, Мишаня, реально хреново. Как в КВН у Галустяна с Реввой – «Гадя Петрович Хренова», ага... Не обращай внимания, это я так, хорохорюсь от недостатка кислорода. Почти как в анекдоте: «в моем адреналине крови не обнаружено». Или что там вместо адреналина, когда уже в самой крайней стадии?..

Не смотри на меня так. Меньше знаешь – крепче спишь.

Все-таки настаиваешь? А что ты можешь сделать?..

Уверен?

Ладно, уговорил. Только давай не здесь. Погоди, я сигарет еще куплю....

...Черт, как же дурно здесь обслуживают...

Часть первая. Плохие дни

1

Все началось с того, что я задолжал денег. Обычное дело. Уж сколько этих вариантов попадалова с невыплатой долга было описано и изображено – начиная от классических утюгов на пузе и заканчивая пулей в башке. Я вот сейчас думаю, что, наверно, лучше было бы сразу поиметь еще одну, не предусмотренную природой дырку в черепе, чем все это...

В общем, когда ты за короткий срок должен найти и отдать хорошую сумму денег – и отдать не какому-нибудь чебурашке, который может подождать лет пятьдесят, а реальному пациенту с богатой биографией рэкетира! – то вся жизнь вдруг пролетает перед твоими глазами за короткий отрезок времени. Ты начинаешь метаться по комнате в поисках темного угла, постоянно хватаешься за телефон или записную книжку, чешешь репу, думаешь, что у тебя еще есть время – пойду в банк, займу у соседей, ограблю старушку, продам плазменную панель или сдам бутылки... Ну, короче, ты уже готов спорить с Остапом Бендером, который гнал от себя прочь все эти самокопания и самобичевания, ты теперь фигура трагическая, не понятая и не оцененная современниками...

В общем, задолжал я хоть и не так чтобы смертельно много, но довольно неприятно, и в один прекрасный июньский денек мой кредитор вызвал меня на последнюю стрелку. Раннее утро, самое время приема кофе и бутербродов, и к тому же в летнем круглосуточном кафе на Набережной. Более романтического ритуала вышибания долга я не припомню.

Звали кредитора Максим. Фамилия его была Червяков. Впрочем, и имя, и фамилию, и оба номера его телефонов я давно удалил из своей записной книжки... Ха-ха, мы вычеркиваем их имена и номера, но иногда они, собаки, все-таки возвращаются!..

– Доброе утро, Витя, – сказал Максим, опуская тучную фигуру на соседний стул.

Утро действительно было доброе – светило солнце, по Набережной гулял свежий ветерок. Единственное, что портило картину, это взгляд сидевшего напротив «кровососа» весом в два центнера. Как говорилось в одном бородатом анекдоте, «до тебя здесь не воняло».

– Привет, – осторожно ответил я. – Ты извращенец, Макс, поднять меня в такую рань.

– Кто рано встает, тому бог дает, – многозначительно протянул тот, – а ты вообще мог бы не свистеть. Я знаю, что ты торчал в клубе всю ночь.

– Пасешь?

– Нет, наблюдаю за перемещениями моего капитала. Как здешний кофе?

– Со сливками.

Я небрежно пожал плечами. Я хотел, чтобы он сразу оценил степень моей утренней неадекватности и понял, что вести со мной какие-либо переговоры бессмысленно.

– Ладно, – сказал Макс, выкладывая на стол пачку «Парламента», – давай сразу к нашим баранам. Старик, я чувствую себя нехорошо, когда кому-то приходится напоминать, что он мне должен четыре штуки баксов. Я не сказал бы, что умру без них голодной смертью, но сам факт, что ты от меня бегаешь, как заяц, глубоко неприятен.

– погоди, погоди! – я поднял руку. Моя «утренняя неадекватность» не проканала. – По-моему, мы уже по третьему кругу пошли. Ты опять за свое? Мы, кажется, уже все обсудили.

– Да ну!

– Конечно. Кидаловом из нас двоих занимаешься ты, а я просто вернул себе свои заработанные деньги. Мне на стене в туалете тебе написать, чтобы ты запомнил?

– Ты заработал гораздо меньше, чем взял! Две придуманных тобой кампании не прошли из-за явно завышенного бюджета. А ведь я тебя предупреждал, что при всем своем человеколюбию и гуманном отношении к журналистам я не буду оплачивать производство мыльных пузырей. Понимаешь? Я даже не могу выразить, как мне неприятно. Вдвой-

не неприятно, что таким надувательством занимался человек, которому я всегда доверял. М-м-м? – Он вопросительно посмотрел на меня.

Черт возьми, взгляд его карих глаз, похожих на изюм, воткнутый в сдобную булку, вынимал из меня всю душу, и после пяти минут такой экзекуции я сам готов буду поверить, что, как последняя сволочь, обокрал милейшего парня Максима Червякова.

А дело, собственно, вот в чем. Мы познакомились с Червяком два года назад на вечеринке, посвященной открытию его очередного магазина. Сорокалетний толстяк торговал компьютерами и оргтехникой. Сейчас его магазинов полно по всему городу, а тогда это было большое событие. Я был активным копирайтером, готовил различным заказчикам рекламные статьи и проспекты, немного подрабатывал на предвыборном пиаре. Червяк поручил мне заняться продвижением его компьютерной сети. Кажется, мы неплохо сработались. Во всяком случае, через полгодика после заключения договора я свободно мог заказывать у него любые бюджеты, и он никогда не говорил «нет».

Но, как известно, люди, потом и кровью добывшие себе шелковые наволочки, очень быстро забывают запах портянок. Чем выше поднимался Макс, тем более серьезные проблемы возникали у него с самооценкой. Он стал капризничать, ставить трудновыполнимые задачи и задерживать оплату. На мои пошлые просьбы выделить бюджет Червяк наду-

вал щеки, говорил, что его многое не устраивает, долго чесал подбородок, а под конец пускал в ход безотказную формулу Бориса Абрамыча: «Старик, деньги были, деньги будут, но вот именно сейчас денег нет».

В конце концов, мне это надоело, и однажды я пошел на пролом. Дождался, когда мой вредный и жадный босс отправится в командировку, тут же пошел в бухгалтерию, подарил ящик «Мадам Клико» тамошним разведенным тетенькам (одной из них, так и быть, пообещав романтический ужин в ресторане при гостинице) и забрал всю причитающуюся мне наличку. Не больше, но и не меньше – за целую серию статей, баннеров и прочих концептов. Не баран чихнул, но сейчас нет времени описывать в подробностях, как я подбивал клинья к главному бухгалтеру. Кроме того, на руках у меня была пачка расписок Червякова, а в глазах – непоколебимая вера в человечество.

Честно сказать, не знаю, что случилось впоследствии с моими поклонницами из бухгалтерии, положившими карьеру на алтарь моей свободы, но когда Макс вернулся, земля содрогнулась, разверзлись хляби небесные, и полилось дерьмо по местным мобильным сетям...

Мне на время пришлось смотаться из города, и всю прелесть общения с разъяренным Червяком приняла на себя моя жена Света. Когда все немного улеглось, я вернулся, позвонил Максиму сам, сказал, что просто взял свое и, кстати, все уже потратил на лечение безнадежно больной бабушки, жи-

вущей в Бугульме. Я думал, что это сработает.

Ха-ха. Три раза.

Макс пригласил нас с женой на фуршет в честь открытия сервисного центра. Там, выпив дважды по сто, он устроил мне разнос, как какому-нибудь мальчику на побегушках. Да еще и при телекамерах! Светка расплакалась, я напился, Макса вообще выносили на руках. В общем, ситуация глупейшая.

И вот он сейчас сидит передо мной в кафе на Набережной и делает последнее китайское предупреждение.

– Не молчи, Русь, дай ответ, – напомнил о своем присутствии Макс, дымя сигаретой.

– Русь на перепутье.

– А, понятно. Направо пойдешь – в говно попадешь, налево пойдешь – по рогам получишь. Некуда идти, старик.

– Прямо пойду.

Я задумчиво глядел на закованную в бетон реку. Хорошо было в городе ранним утром – даже в этом стеклянно-асфальтированном оазисе культурного отдыха. Скоро рядом с автопарковкой развернется торговля коврами и кроссовками, от шума и выхлопных газов станет невозможно дышать, но рано утром здесь еще очень неплохо, даже река блестит и слышен плеск ее волн.

– Ладно, старик, – наконец, выдохнул Червяков, – боюсь, добром с тебя ничего не вытрясешь. Придется другими методами.

– Голова дырка будешь делать? – усмехнулся я.

– Нет, задница вторая дырка сверлить.

Он поднялся из-за стола, с шумом отодвинув тщедушный пластиковый стул. Я остался сидеть.

– В общем, брат Витька, – сказал Макс, открывая брелоком замки своего джипа, – послезавтра вечером я присылаю к тебе людей. Если денег не будет... хм, мне придется вспомнить свою нигилистскую молодость. Я тебе даже процент накапаю за ностальгию.

– Валяй, – все так же улыбаясь, молвил я.

Впрочем, это уже была последняя улыбка Джордано Бруно.

– Лишнего не возьмем, но и своего не оставим. Что там у тебя в собственности? Подержанный «Ланос»?

– Новый.

– Вон тот? Какая прелесть!

Я молча сглотнул.

– Будь здоров и не суди слишком строго.

Он махнул рукой и отправился к машине. Глядя на его колыхающийся зад, я с горечью констатировал, что он меня все-таки дожал! Проблема в том, что Червяк был опытный рейдер, и в переговорах с «клиентами» он всегда преуменьшал масштабы угрозы. Уж мне ли не знать, что если он говорил, что готовит сверло для моего заднего бампера, то на самом деле мне предстояло познакомиться с отбойным молотком.

Мне внезапно поплохело. И солнце было уже не таким ярким, и река не так ласково шелестела волнами... и торговцы коврами приехали слишком рано.

Это был один из самых поганных дней в моей жизни, некий перекресток. Направо пойдешь, налево пойдешь... один черт.

Иногда ты вдруг понимаешь, что бесконечно одинок в этом безумном, безумном, безумном, безумном мире... Как говорил один старый персонаж Панкратова-Черного – это не я, это кино такое.

В свои тридцать четыре года ты вдруг с ужасом осознаешь, что скоро твое собственное отражение в зеркале в ванной – такое небритое, одутловатое и бесконечно дорогое – станет едва ли не единственным твоим собеседником. Это у него ты будешь спрашивать «Как дела, старик?», продрав глаза поутру, это ему ты будешь плакаться после очередной полученной от жизни оплеухи... и именно у него ты будешь просить взаймы четыре штуки «бакинских комиссаров», чтобы защитить свою новенькую иномарку от плохих дяденек.

Можно, конечно, вспомнить о жене, но жена... А что жена? С ней, брат, теперь происходят непонятные метаморфозы, на расшифровку которых целая жизнь может уйти. У них ведь, у женщин, тоже бывает кризис среднего возраста. Знаешь, как их после тридцати колбасит?

Ну ладно, а как же друзья? Ведь не в коконе ты жил все эти годы, начиная со школьной скамьи?

Ну да, друзья есть, и приятели есть, и просто знакомых – не сосчитать. Но вот в чем петрушка: у друзей с возрастом

складываются точно такие же взаимоотношения с зеркалом в ванной. Ты будешь пить с ними водку, сидеть в душевой сауне, хвастаясь очередным сексуальным подвигом Геракла, будешь вместе с ними драть глотку на стадионе, болея за «Газ-мяс», но когда приходишь домой и снимаешь фрак, ты понимаешь, что никому в этом мире не нужен, и решать свои проблемы придется самому.

Впрочем, вру. Есть один друг, который обязательно выпьет на твоих поминках. Да, я о нем вспомнил...

Я набрал номер телефона Сергея Косилова. Ожидая, пока он возьмет трубку, я продолжал смотреть на реку. Все течет, все меняется, а наша старая речушка все так же грязна, как и во времена детства моей бабушки, пускавшей по ней кораблики.

– Гы-говори, – выдавил Серега после небольшой паузы.

Судя по голосу, он только что проснулся или вообще не спал.

– Привет, – сказал я, – ты сейчас никуда не торопишься?

– Сейчас? Н-нет, до пятницы я совершенно са-свабоден.

– А что будет в пятницу?

– Ничего. Классику смотреть надо. Это Пятачок, когда был в гостях у-у Кролика...

– А, понял.

– Вот тебе и «а-а». Слушай, если ты едешь прямо сейчас, захвати мне пы-пару пива. Я, кстати, сам хотел тебе позвонить. Дело есть.

Я ухмыльнулся. Похоже, Сережка вчера неслабо погулял. Чтобы он с утра попросил пива, интеллигент несчастный!

– Привезу. Что за дело?

– Приедешь – скажу.

Я отключил связь и улыбнулся. Серега, конечно, был чудиком, но лучшего антидепрессанта я на своем жизненном пути еще не встречал. И сейчас мне больше всего не хватало именно его умильного подросткового заикания.

С Сергеем Косиловым я был знаком лет двадцать. Мы немножко учились вместе в выпускном классе – его перевели к нам за полгода до последнего звонка. Никакой особой репутации он у нас заслужить не успел, следовательно, не успел ее и испортить, поэтому мы достаточно легко с ним сошлись. У нас, видишь ли, были общие интересы – «Лед Зеппелин», «Аквариум» и перестройка. Не сговариваясь, пошли в один институт, поступили на один факультет – это была журналистика. Нам тогда казалось, что мы должны что-то успеть сделать, пока «форточка» еще открыта и ветер свободы гулял по буфету. До третьего курса шли одной дорогой. На третьем он выбрал специализацию «телевидение», я же решил, что мне гораздо интереснее – и, главное, проще – общаться с бумагой. Наши профессиональные стремления, таким образом, несколько разошлись, но интересы личные по-прежнему пересекались: мы продолжали вдвоем зажигать на вечеринках, встречаться с девушками, слушать и играть старый рок-н-ролл и беседовать о проблемах вза-

имодействия различных ветвей власти. Стояла середина девяностых – эпоха относительно честной и свободной журналистики и сотен относительно честных способов заработка.

Косилов еще во время учебы попал в поле зрения нескольких местных телекомпаний. Я в то время пытался его отговорить от этой затеи. Дело в том, что парень с детства заикался и, судя по всему, прекращать это дело не планировал. И хотя его заикание не носило критического характера – так, лишь иногда переклинивало, – но из-за постоянного страха завалить речь Серега говорил медленно и вдумчиво, совсем как наш институтский преподаватель по иностранной литературе. Тот был умницей-не-сказать-в-какой-степени, получил кучу каких-то европейских титулов за изучение литературного наследия, а на лекциях у него мухи дохли от тоски, потому что читать он их не умел. Оратор из него был «как из Промокашки скрипач»! Бубнил что-то под нос полтора часа, хотя при желании мог бы... да много чего мог бы.

Так вот, Сережку нашего из-за его проблем с интерфейсом на телевидении ждал полный провал. Но он нашел лазейку, переключился с работы в кадре на место по другую сторону объектива. Ему понравилось снимать. Он не выпускал камеру из рук всю практику, снимал сюжеты по заказам и без них, по собственной инициативе пристраивался к различным командировкам своих старших коллег – и снимал, снимал, снимал. Снятое монтировал также самостоятельно, договорившись о небольшой стажировке в монтажной сту-

дии областного телевидения.

Словом, к окончанию университета Сергей Косилов был молодым асом, а еще через несколько лет он уже мог позволить себе выбирать работодателей и заказчиков. Криминальные разборки, спецоперации силовиков, облавы, экстремальные командировки в горячие точки, репортажи с заседаний городской думы – у Сергея не было никаких жанровых ограничений. С камерой он обращался как Паша Буре с клюшкой, она была его второй парой глаз, и у меня в один прекрасный день отпали последние сомнения в том, что когда-нибудь Серега уедет к чертовой матери из этого города и доработается до ТЭФИ.

Увы, все так бы и случилось, кабы не его добрый характер, спровоцировавший полный провал в личной жизни, который, в свою очередь, накрыл медным тазом все остальное.

Сергей был женат дважды, и оба раза он непостижимым для меня образом выбирал в жены законченную суку. Не стерву, заметьте, а именно *суку*, и это две большие разницы – слово «стерва» благодаря женским таблоидам многие уже воспринимают как комплимент. К слову, у меня были схожие семейные проблемы, но если я еще как-то держался, уповая на торжество здравого смысла, то Серега доводил дело до точки кипения и взрыва. Первая жена Сереги была до рези в глазах похожа на свою мамочку, а мамочка у нее последние годы балансировала на грани попадания в психушку с диагнозом «хронический маниакальный психоз». Пару

лет Косилов помыкался с первой женой, а потом выгнал ее из дома. Результатом этого неудачного семейного опыта стал длительный черный депрессняк.

Вторая жена ушла от него сама, потому что выйти из депрессии Серега так и не сумел. Он пробовал немножко выпивать. Начал с пятничных пивных вечеров, потом попытался плавно перевести их в аналогичные вечера четвергов и суббот, но, к счастью для Сережки, организм его категорически возражал против такого досуга. Два дня подряд он еще мог покуражиться, но на третий его тело отказывалось подниматься с кровати, желудок восставал против любой жидкости и пищи, а голова молила о быстрой пуле. В общем, с тотальным пьянством у Косилова не заладилось, поэтому единственным выходом для него было – вкалывать до полного самоотречения. Он продолжал работать, реально подтверждая старую истину о том, что талант невозможно уничтожить. Руки у него по-прежнему росли из правильного места, голова не разучилась монтировать картинку задолго до попадания материала на монтажный стол. И новая жена вскоре стала ему просто не нужна...

Обняв Серегу в то печальное утро, я сморщился от убойного амбре. Косилов, скорее всего, «зажигал» вчера весь день и либо не ложился спать совсем, либо свалился только под утро.

– Н-да, Серж, – протянул я, – ты взялся за старое?
Сергей махнул рукой.

– Бы-брось! Пиво принес?

Я протянул пакет. Серега даже не стал для приличия подерживать светскую беседу – угостился немедленно и без остатка. Одна бутылка ухнула в него полностью буквально через пару минут, вторую он решил немного посозерцать.

– Пы-рахадн.

Я с удовольствием прошел вглубь его двухкомнатной квартиры. Я бывал у Сергея редко, о чем сожалел каждый раз, когда находил время для визита. Если моя бурная нигилистическая молодость застыла на фотографиях и в видеокассетах, то у Сергея она продолжала существовать вокруг. Она жила в гитаре, висящей на гвозде, в стопках виниловых пластинок на полу в спальне, пряталась в колонках от старого музыкального центра «Вега» и прочей белиберде, избавившись от которой моя жена заставила меня практически сразу после свадьбы. А Серега бережно хранил и лелеял все эти запахи, звуки и образы – дешевый портвейн, треск винила, вопли Егора Летова и ощущение свободы. Немудрено, что в итоге Сергей остался здесь один, в этом, казалось бы, современном, украшенном обоями и линолеумом, но таком неприкаянном жилище.

– Что пы-пыривело тебя ко мне в такую рань? – высокопарно и грустно спросил Сергей, откупоривая вторую бутылку и усаживаясь на диван в гостиной, которая по совместительству была и видеостудией, и домашним кинотеатром, и столовой.

– Ты будешь смеяться, но я пришел просить у тебя совета.

– Просить совета, где найти деньги, или пришел пы-просить денег?

– Старый лис.

– Дык, – не без удовлетворения заметил приятель и отпил из бутылки. – Я ж видел твою рукопашную с Червяковым, когда забегал на банкет в его сервис-центр. Помнишь, он тогда тебя чуть не порвал? Можешь ничего не объяснять, я знаю, что он редкая жо-жо... жж...

– Я понял, не продолжай.

Мы немного помолчали, будто почтили недобрым словом память Макса Червякова, потом Серега аккуратно поинтересовался:

– На скока попал?

– Даже не спрашивай. Если не найду деньги за два дня, мне придется отдать в залог машину. Дал бы побольше времени, я еще крутанул бы, но за два дня... нереально.

– Н-да, – только и сказал Косилов.

Серега не пытался изображать глубокое сочувствие, за что я был ему безмерно благодарен, ибо физически не перенес бы сейчас его жалости, но, с другой стороны, он и не демонстрировал своего психологического превосходства над человеком, попавшим в передрагу. Все было как всегда: «Что, фигово, брат? Не дрейфь, прорвешься». Меня смущало лишь одно: он вряд ли мог мне помочь.

Он словно услышал мои мысли:

– Ты прости, конечно, но таких сумм, за которые Червяков может забрать машину, у меня давно не водилось. Если ты рассчитывал за-занять у меня...

– Да нет, я уже понял, что зря пришел.

– Нет, не зря, – начал было Серега, но не успел договорить. Зазвонил мой сотовый телефон.

– Извини, – сказал я и посмотрел на дисплей.

Звонила жена. О, сейчас будет праздник.

– Алло! – сразу закричала она, как только я поднес трубку к уху. – Вавилов, где ты ночевал?! Ты вообще сейчас где?!

– В том месте, которое рифмуется с твоим вопросом, – вяло огрызнулся я.

– Да сволочь же ты такая! – вопила трубка. – Я же все трезвяки начала обзванивать, чуть до моргов не добралась, Господи, ну за что мне это?!

Я слушал, поглядывая на электрогитару, прислоненную к стене возле фронтальных колонок кинотеатра. Это было роскошное по меркам восьмидесятых годов (да и до сих пор, пожалуй) «весло» – настоящий «Fender Stratocaster», привезенный с распродажи в Штатах, гордость Сергея Косилова образца рок-н-рольной юности и робкий упрек его унылому возмужанию. Через минуту я уже не слышал, что говорит мне жена. Моя душа витала где-то между туалетом Дворца культуры железнодорожников, где мы в девяносто пятом пили паленый «Слычнев Бряг», и сценой в зрительном зале того же дворца, на которой мы лабали древний как мир «Дым

над водой». Краем глаза я заметил, как Косилов начинает улыбаться, и мне его улыбка почему-то не понравилась. Как-кая-то она была мертвая. Я захлопнул крышку телефона.

– Опять не ночевал?

– Да. Тусовался в «Меге».

– Совсем не тянет домой?

– Нет, *домой* как раз тянет. Не всегда хочется видеть дома *ее*.

Я вздохнул. Серега Косилов, наверно, лучше других понимал мое состояние, но откровенничать с ним меня сейчас не тянуло. Пару минут мы сидели молча. Друг наслаждался ремиссией, а я смотрел в потолок и думал, как быть с Червяковым. Однозначно, нужно было искать деньги. Это может быть горько и неприятно, но иногда приходится признавать, что ты проиграл, а проигрывать надо достойно. Я вдруг представил себя таким разорившемся аристократом! Красивый и молодой еще мужчина в костюме, на хорошей машине, с красивым мобильным телефоном, обремененный делами, заботами, задачами – и достойно так, солидно, грустно голову приклонив, ПРОИГРЫВАЕТ. Смахиваю скупую мужскую слезу, делаю изящный поворот головы, смотрю прямо в камеру – стоп, снято! Можно оправиться и перекурить.

Ерунда это все. Нет никакого геройства и самоуважения, есть приличный для тебя долг и кредитор, который может свинтить шею, наплевав на то, что «проклятые девяностые», как утверждала партия и правительство, канули в лету. И по-

чему-то сразу начинает тошнить, хочется повесить на двери табличку «Меня нет дома!» и посидеть с газетой на толчке. Какое тут геройство!

... – Кстати, ты что-то хотел мне сказать? – оторвался я от своих невеселых мыслей.

Сереге тоже как будто только что заметил мое присутствие. Кажется, мы сегодня оба были немного не в себе.

– Д-да есть кое-что.

Пауза. Он сощуренным взглядом уставился на выключенный телевизор.

– Сереге, я слева!

– Сы-слушай, Вить, – начал он, пристраивая недопитую бутылку пива у ног, – ты когда-нибудь сталкивался с необъяснимым?

Я не ответил, внимательно посмотрел ему в глаза. Вроде здоров. Или нет?

– В смысле?

– Ну, в смысле, что-то такое, чего ты никак не можешь объяснить?

– Смысл слова «необъяснимое» я знаю. Говори, что у тебя стряслось, не томи.

– Ладно.

Он встал с дивана, отправился в спальню, с минуту там возился, шелестя бумагой, потом снова появился передо мной. В руках он держал свою видеокамеру. Нацеленный на меня объектив был закрыт крышкой.

– Ну? – спросил я.

– Вот эта ши-шитука, брат, почище твоего Червякова.

Он как-то неприятно улыбнулся. На лице отображалось нечто среднее между возбуждением алхимика, случайно отыскавшего философский камень, и ужасом водителя, застрявшего на железнодорожном переезде прямо перед несущимся локомотивом.

– Что с ней?

Он сел рядом со мной, положил «Панасоник» на колени. При этом он вел себя очень странно. Как я уже упоминал, с видеокамерой Косилов управлялся так лихо, как не всякий бомбардир НХЛ работает клюшкой, но сегодня с ним что-то случилось. Он держал камеру одними кончиками пальцев, как чужой использованный презерватив.

– Осторожно, разобьешь, – предположил я.

– Хрен там, – ответил Серега, и в глазах его появился блеск, – разобьешь ее, как же...

– Что случилось-то?

– Так, кое-что. Я больше не могу снимать этой камерой.

– Творческий кризис?

Он посмотрел на меня с укоризной.

– Нет, не в этом дело... как бы тебе объяснить.

Я еще внимательнее пригляделся к нему и заметил, что он вспотел.

– Косилов, ты в порядке?

Он кивнул.

– А что тогда?

– В нее всссс... – он сделал паузу, перевел дыхание. – Вссе... черт!

– Сержик, успокойся, – сказал я и почему-то погладил его по руке. *Так* его давно не переключивало.

Наконец, он справился. Выпалил мне прямо в лицо:

– Витя, в нее вссссселился бес!

...Знаешь, Миш, я человек с воображением, как и подобает нормальному журналисту. Я привык верить всему, что вижу собственными глазами или о чем мне рассказывают люди, которым я всецело доверяю. Я допускаю, что на Землю иногда наведываются пришельцы, и я не могу поверить, что мы во Вселенной одиноки. Я видел, как головную боль лечили заговорами, я уверен, что какая-нибудь бабушка может навести порчу, и я ни секунды не сомневаюсь, что автомобиль, на котором ты едешь, не просто умная куча железок – он реагирует на твое настроение и самочувствие. В общем, я потенциальный зритель мистических телешоу!

Но мой заика Сережка Косилов этим утром был вне конкуренции!

Мы вышли на улицу. Во-первых, у парня закончились сигареты (скорее всего, ему хотелось еще выпить), а во-вторых, по его словам, только там он мог мне объяснить и показать, что у него произошло.

Мы сели на лавочку возле супермаркета. Перед нами шу-

мел проспект Ленина, уже почти готовый замереть в зловонной утренней пробке. Справа в пяти метрах от нас располагалась небольшая парковка для посетителей магазина.

Сергей положил расчехленную камеру на колени и молча ждал. В этот момент он напомнил мне охотника, выжидающего наилучший момент для выстрела. То, что Серега собирается именно стрелять, я уже догадался, хотя до сего момента мой приятель не сказал, по сути, ничего.

Кажется, мы дождались.

На парковку с проспекта вырулил сверкающий желтый «Хаммер». Я присвистнул и хотел было пошутить над идиотом, который выбрал такой цвет, но Сергей впился в него взглядом, как ястреб. Вскоре из машины вышел хозяин – полненький мужичок с залысинами. Закинув под мышку маленькую кожаную сумку, он запер машину и направился в супермаркет. Как только он исчез из виду, Сергей направил видеокамеру на «Хаммер», снял крышку с объектива, нажал кнопку и стал снимать.

Я потянулся за сигаретой. На какое-то время меня почти отпустили мои сегодняшние горести – настолько я был увлечен этим похмельным безумием. В голову даже пришла глупая мысль: сейчас из объектива аппарата вырвется сноп огня, и «Хаммер» разнесет на мелкие запчасти. Кажется, я хихикнул.

Сергей снимал около минуты. Затем выключил камеру, осторожно прикрыл объектив и поставил аппарат рядом

на скамейку. Прокомментировать свой перфоманс он не удостоился.

– А бесы где? – спросил я.

– Смотри.

Мы ждали. Несколько минут ничего не происходило. Только улица продолжала шуметь, кто-то раздраженно сигнализировал нерасторопному участнику движения, а рядом на тротуаре молодая мамочка отчитывала малыша, упавшего лицом в цветочную клумбу. Лето, черт возьми, благодатное время.

Когда я уже устал ждать и начал думать о напрасной трате времени, из магазина появился хозяин тачки. Он отпер замки и сел в салон. Некоторое время ковырялся, что-то выкладывая из пакета на заднее сиденье, потом, очевидно, сунул ключ в замок зажигания.

Машина не завелась.

– Ннн-на, н-на... – пытался выдавить Сергей.

– Начинается, – закончил я вместо него, – не волнуйся.

Водитель попробовал еще раз. Он погонял стартер несколько секунд, но результат был тот же. Внешне вполне нормальный джип, который десять минут назад бодренько подкатил к бордюру, бился в агонии.

– И что происходит? – поинтересовался я.

– Моя камера его убила.

Я фыркнул.

Водитель предпринял еще одну попытку запустить желто-

го монстра, но на этот раз под капотом что-то взвизгнуло, и сразу стало понятно, что в ближайшее время машина никуда не поедет.

Мужичок тут же выскочил на тротуар и принялся терзать мобильник.

– Аб-ба-бажаю этих идиотов, – с каким-то мрачным удовольствием заметил Серега.

Его рассказ был недолгим, но вполне убедительным, несмотря на характерный для парня черепаший темп и манеру раскладывать сложные слова на части. Я не смог ни связать, ни уличить друга в приходе «белочки».

– Ты знаешь, я же вольный стрелок и в свободное от основной работы время беру халтурки, – мурлыкал он, посасывая третью бутылку пива. – Ну, там, свадьбы, юбилеи, банкеты и все такое. Камера личная, начальников никаких нет, и почему бы не совместить приятное с полезным. Тем более что на таких халтурках иногда получают изумительные планы. Ну вот, однажды черт меня дернул согласиться снимать похороны одного бывшего бандюгана. Кирилла Колыванова помнишь?

– Депутата?

– Его. В девяностых два района крышевал, людей валил пачками, а потом вот народным избранником стал. Не знаю, какой народ его избирал и зачем, но случилась с ним неприятность одна – поехал с ребятами на охоту, выпил и подставился под чью-то пулю. Интересное совпадение.

– Думаешь, его грохнули?

– Как два пальца аба... ба... в смысле, как пить дать.

– Угу.

Пока мы беседовали, водитель «хаммера» ходил вокруг

своей машины, беспрестанно вызывал кого-то по телефону и, кажется, готов был заплакать.

– Короче, – продолжал Серега, – похороны я снимал, что называется, от выноса до погребения. Гроб был открытый, народ вокруг был солидный, все лезли с покойником поцеловаться, пожать руку, сунуть крестик. Материал получился – капец! Но когда я обратно с кладбища в автобусе ехал, у моей старушки вдруг разом села батарея. Полный аккумулятор был, а тут как будто прохудился, и через какую-то дырку все ушло, хотя рассчитан он часов на пять. Такого с ним никогда не случалось... Ну, черт с ним, на следующий день я сбросил отснятый материал на флешку, отдал заказчикам и забыл об этом.

Я снова кивнул. Самое интересное, конечно, ожидало впереди.

– Через неделю снимал свадьбу, – сказал Косилов. – Вроде все было нормально, но на второй день жених с невестой, их родители и половина гостей свалились с отравлением. Помнишь?

Я напряг память. Да, что-то такое было в новостях: «некачественно приготовленная пища в кафе таком-то стала причиной массового отравления»... бла-бла-бла.

– Кажется, все обошлось, – напомнил я.

– Почти. На следующей свадьбе, которую я снимал, произошла колоссальная драка. Итог – один труп и трое раненых. И не говори мне, что ты про это не читал.

Я вынужден был согласиться. Ненавижу криминальную хронику, но от таких новостей не спрячешься, они настигают тебя всюду.

– Словом, ты думаешь... – начал я, но Серега меня прервал.

– Витя, я не думаю, я уу-уверен! Уверен с того самого вечера, когда снимал юбилей хозяина «Скорпиона». Этого бедолагу ты тоже должен знать.

Сергей хихикнул, а у меня по спине поползли мурашки. Владелец автомобильной компании «Скорпион» поздно вечером после деловой встречи сел за руль своего «Мерседеса» и на скорости 100 километров в час врезался в столб с рекламным щитом. Трезвый как стеклышко, здоровый, с хорошим зрением и реакцией сорокалетний мужчина при идеальной обстановке на дороге врезается в преграду как настоящий камикадзе!

– О чем задумался? – спросил Серега.

Я пожал плечами и предпочел уклониться от прямого ответа:

– Сколько же у тебя трупов в итоге?

– Семь. Отравившаяся на самой первой свадьбе невеста так и не пришла в себя. Прибавь к ней труп со следующей свадьбы, потом «Скорпион», а потом уже мелочь – с каждого отснятого мной материала либо жмуры, либо поломки, либо черт знает что вообще. Ты не представляешь, что со мной было, когда я понял, что происходит.

– Отчего же, представляю. Развязал с алкоголем.

Сергей усмехнулся и выдал фразу, которая словно бы повисла в воздухе:

– Вчера решил протестировать для верности на своей кошке. Снимал минуты две...

Я уголком сознания отметил, что стерилизованная рыжая Маруська, единственная Сережкина подруга, не выбежала сегодня в прихожую просить у меня колбасы.

– Серега! – выдохнул я.

– Угу. Вечером она зачем-то выпрыгнула с подоконника на улицу и ломанулась на дорогу. Ее переехал «Порш Кайенн». Роскошная смерть.

Я посмотрел на водителя «Хаммера». Тот все еще суетился возле своей внезапно скончавшейся машины.

«Интересно, – отстраненно подумал я, – он тоже отбросит копыта, или все обойдется поломкой джипа?»

– Об этой машине ничего сказать не могу, – проследив за моим взглядом, отозвался Сергей. – Может, это весь результат. Может, нет. Эффект непредсказуем. В зависимости от режима записи он может наступить через несколько минут, а может завтра или через неделю. Я сейчас настроил на самое высокое качество, поэтому так сработало. А еще никогда точно не угадаешь, кого она зацепит – центральный объект съемки или кого-нибудь на периферии кадра. Не знаю.

Я посмотрел на часы, потом в голубое небо. Уже десять.

Странный какой-то день начинается, пестрый как радуга и тяжелый как свадебное меню. У нас с Серегой одновременно образовались две почти неразрешимые проблемки. Мы оба не знали, как нам быть с неожиданно свалившимся «счастьем».

Забавно, но мои журналистские мозги иногда работали отдельно от меня. В какие-то короткие секунды меня могла посетить совершенно гениальная идея, которая столь же стремительно могла покинуть меня, не оставив и следа. Но не этим странным утром!

В голове у меня пронеслось как вспышка: «Я не знаю, что мне делать с Червяковым, а Серега не знает, что ему делать с камерой. Забавно же?».

И, клянусь мамой, я тут же об этом забыл! Потому что снова позвонила жена.

– Слушай, гад, – сообщила она мне уже заметно спокойнее, чем в первый раз, – я устала. Завтра я подаю документы на развод... и пошел ты в жопу со своими кризисами! Понял?!

И бросила трубку.

Десять часов спустя мы с Сережкой Косиловым, пьяные и безумные, ехали на моем «ланосе» по пустеющему вечернему городу. Я успел немного поспать на косиловской кровати в спальне, заваленной дисками, блоками питания и старыми журналами. Едва приклонив голову на давно не стиран-

ную наволочку, я сразу почувствовал, насколько был измотан. Проснулся где-то около трех часов, когда солнце, перекатившееся на западную сторону неба, начало щекотать мои сомкнутые веки.

Отдохнув, мы с Серегой поели, выпили водочки, поговорили, снова выпили, снова поговорили, снова поели... Безумный день Фигаро продолжался, я давно не чувствовал себя таким неприкаянным. Чтобы не соврать, последний раз мое тело так долго и счастливо существовало отдельно от души где-то все в той же середине девяностых, когда мы с институтскими друзьями, отыграв хороший концерт в ресторане, тут же бежали тратить заработанные деньги в ближайший кабак. Потом бродили по улицам, а с рассветом снова бежали в лавку. Наверно, это было ужасно, но в моей теперешней жизни порой не хватало чего-то подобного, когда ты точно знаешь, что тебя никто не ждет и тебе не перед кем будет оправдываться. Многожды руганная и проклятая свобода девяностых, как мне тебя не хватает...

Я был все-таки в достаточно приличной форме, чтобы вести автомобиль. Обычно я вообще не сажусь за руль пьяным, но только не в этот день! Я вдруг понял, что мне по барабану. Я уже не любил окружающий мир, как раньше, и начинал его презирать. Что касается Сереги, то он, отбросив природную застенчивость зайки, с самого начала потребовал чьей-нибудь крови. Он колбасился на пассажирском сиденье справа от меня, врубив на полную громкость «Рамштайн»,

и все время мешал мне рефлексировать.

«Будет тебе кровь, дурик!» – кажется, крикнул я однажды.

Хм, кстати, Миш... Вот интересно, плохой человек и хороший – чем они отличаются друг от друга? Тем, что у одного злые помыслы, а другой – словно манная каша на молоке? Чушь! Я не могу назвать себя плохим. Я не крал, не убивал, не предавал... По крайней мере, я думаю, что не предавал, хотя у некоторых моих близких может быть иное мнение на этот счет. Конкурентов не подсиживал, перед начальством не лебезил, но и не сторонился его, честно делал свою работу, двигался вперед и старался достичь своей цели теми средствами, которые считал для себя приемлемыми. Один раз даже переводил бабушку через дорогу.

Но как же иногда хочется взять кого-нибудь за горло и... не знаю.

Что меня останавливает? То, что я хороший? Почему же тогда эта мерзость периодически заползает в мои мозги?!

Ладно, я опять отвлекся...

Мы заехали во двор элитной одноподъездной кирпичной пятиэтажки, припарковались в стороне от охраняемой стоянки, в тени деревьев.

– Уже приехали? – спросил Серега, убавляя звук на магнитоле.

– Да. Здесь он и живет.

– А-а-а! – протянул Серега. – Сова, открывай, медведь пришел!

– Успокойся! – едва сдерживая смех, бросил я.

Дом неплохо охранялся, двор обстреливался по периметру камерами наблюдения, подвешенными на козырьке подъезда. Я остановил машину вне поля зрения охранных систем. Нас вряд ли могли застукать, но вот услышать можно было за километр.

– Не шуми, – скомандовал я.

Я огляделся, оценивая обстановку, и, убедившись в отсутствии свидетелей, подался назад. На заднем сиденье лежала спортивная сумка. Молния на ней была чуть-чуть расстегнута, и из черноты на меня зловеще зыркнула линза объектива.

Черт!

– Не пугайся, она выключена, – вставил свои пять копеек Сергей.

Я вынул камеру, стараясь наводить ее в сторону. Внимательно оглядел устройство, нашел нужные кнопки. Конечно, это не простой «камкордер», которым могут снимать даже дети, но и ничего сложного нет. Я включил аппарат и осторожно навел объектив на пятиэтажку. Нашел в видоискателе крыльцо.

– Вставляет? – поинтересовался Серега.

Я посмотрел на него, пытаюсь понять: он уже окончательно пьян и не соображает, что мы делаем, либо он меня просто подначивает?

– Отстань.

Скоро из подъезда выйдет Червяков. Он поедет в под-

польное казино проигрывать выручку своих магазинов. Он никогда не нарушает устоявшийся за много лет график: позднее пробуждение, офис, переговоры, склад, поставки, домашний ужин и казино до трех утра. Затем немного сна в обнимку с любимой женой и с утра снова по тому же кругу.

Жирная сволочь. А не взять ли мне твое лицо крупным планом?

– Я пы-примерно представляю, что ты чувствуешь, – встал Косилов. Он тянул сигаретку, прислонившись к окну. На губах его все еще играла улыбка, но в голосе появилось что-то демоническое. – Тебе кажется, что ты просто играешь, и сейчас ты, конечно, развернешь мы-машину и уедешь отсюда. Но на самом деле тебе хочется попробовать. Хочется, да?

Я молчал. Сукин сын попал в десятку, руки и ноги у меня тряслись от возбуждения.

– Знаю, что хочется. У меня тоже все зудело пару раз, когда я уже понимал, что могу это делать, но...

Он умолк. Эта скотина, закончившая тот же факультет, что и я, прекрасно знала, как давить на психику.

– Но?.. – проглотил я его крючок.

– ...но гы... гы-гы... – Он аж вспотел.

– Рожай, Цицерон!..

– ...Гырех на душу брать не стал... Фуф. И ты не станешь, потому что ты человек хороший. Сейчас ты посидишь, потискаешь эту штуку, а потом засунешь ее в сумку, развер-

нешь машину и укаатишь домой. А завтра начнешь обзванивать знакомых, которые могут одолжить тебе денег, а потом ты пойдешь за экспресс-кредитом, чтобы честно отдать свой долг милейшему парню Максиму Червякову. Ну, ты же умница!

– Да. Но у меня плохая кредитная история.

Я посмотрел на часы. Через несколько минут ожидается появление моего героя в секторе обстрела видеокамеры. Признаться, я чувствовал себя в некотором смысле идиотом (впрочем, чего там «в некотором смысле» – полным придурком я себя чувствовал!). Поверил в сказки приятеля, который от одиночества совсем сошел с ума, а теперь сижу в засаде, как казак-разбойник, и готовлюсь стрелять из «Панасоника».

Я хмыкнул.

Червяк появился на крыльце через минуту. Не сходя со ступенек, нажал на кнопку брелока, открывающую замки джипа, посмотрел в небо. Очевидно, кто-то позвонил ему, потому что он тут же вынул из кармана телефон и приложил его к уху. Начал кивать и что-то гневно выговаривать...

Я включил запись. Таймер в видеоискателе камеры начал отсчитывать секунды. Я сразу нажал зуммер, и Червяк в кадре стал плавно увеличиваться в размерах. Я приблизил его максимально и смог увидеть недельную щетину на лице и царапину у правого уха. Макс лоснился и обильно потел – еще пару лет сытой жизни, и сердце откажется прокачивать этот

огромный кусок теста.

Червяк прекратил разговор, сел в машину и завел двигатель. Съёмка продолжалась. Я выключил камеру, только когда джип моего кредитора скрылся за углом. Бросив «Панасоник» обратно в сумку, я первым делом обернулся к Сереге. На лице у моего друга застыла странная гримаса – не то ужаса, не то восхищения.

Я почему-то вспомнил фразу, произнесенную персонажем Кевина Спейси в «Красоте по-американски»: «Кажется, ты только что стал моим кумиром».

– Вавилов, псих, отвези меня да-да-мой, – выдавил Серега... и начал смеяться.

Я смахнул пот со лба и, кажется, тоже хихикнул.

Жена уже легла, повернувшись спиной к моей половине кровати. Я стоял в проеме двери спальни и долго смотрел на нее. Спит или нет? Пожалуй, притворяется, потому что не проснуться от скрипа нашей входной калитки невозможно. Тем более человеку с таким чутким сном, как у нее.

– Свет, ты спишь? – спросил я тихо.

Никакой реакции.

– Свет!

Тишина. Только тюлевая занавеска дрогнула от сквозняка.

Иногда, когда я вижу ее спящей – такой забавной, губастенькой, помятой – во мне что-то просыпается. Я начинаю

думать, что все-таки можно всю жизнь любить одну женщину и испытывать к ней определенный интерес. Можно. Но такие моменты коротки, до слез коротки.

Я выключил свет в коридоре, оставив спальню во тьме, и отправился принимать душ. Там я возился минут пятнадцать – никак не хотел выползать из-под теплых струй. Когда закончил и выходил из ванной, вытирая голову полотенцем, увидел в полумраке спальни два сверкающих глаза.

Я чуть не заорал!

Светка, натянув одеяло до подбородка, смотрела на меня с ненавистью... и печалью.

Утром мы с ней не разговаривали. Я плохо спал, до четырех часов ворочаясь на диване в своем кабинете, а Светка, судя по выражению лица, отдохнула как следует (мне тогда даже в голову не пришло, что она не видела меня почти двое суток и сильно перенервничала). Она не смотрела на меня, сидела напротив и небрежно поглощала бутерброды. Даже на мое будничное «привет» она никак не отреагировала.

На второй чашке кофе мое терпение лопнуло.

– Так и будем дуться? – буркнул я и стал всматриваться в ее лицо, надеясь увидеть хоть какое-то осмысленное движение мышц. Но не увидел ничего.

– И что у нас опять случилось? – продолжил я. – Месячные? С мамой поссорились? Еще что-нибудь? Почему каждый раз за твое плохое настроение должен отвечать я?

Она сломалась. Поставила чашку на стол, отложила бутерброд и пригвоздила меня взглядом к стене.

– Ты ни за что не отвечаешь в принципе. У тебя кризис, у тебя депрессия – ты можешь позволить себе исчезнуть, не говоря ни слова, на всю ночь. Все нормально! Какая разница, что у нас случилось? Я уже сказала, что собираюсь подать на развод. Я не шутила.

Я вздохнул. Так и есть: тот прилив нежности, неожиданно настигший меня вечером, когда я созерцал ее спящую в спальне, был всего лишь миражом, и сейчас в свои права вступают совершенно другие чувства.

– Запела свою любимую песню, – проговорил я. – Мужика в доме нет, ласки нет, любви нет...

– В десятку!

Она ушла, не закончив трапезу. Проходя мимо, задела полкой халата мое колено. От нее пахло чем-то сладким. Никогда не мог понять, почему женщины при любых кризисах умеют оставаться свеженькими и благоухающими, как утренние розы, а мужики, стоит им слегка получить от жизни под зад, становятся похожими на обезьян в муниципальном зоопарке.

– Света!

Она не ответила, прошаркала тапками в гостиную.

– Ну и подавай, если других вариантов не видишь!

Я уткнулся взглядом в тарелку с бутербродами. С чего я решил, что хочу есть?!

Мы прожили с ней под одной крышей три года, и сейчас мне уже трудно однозначно ответить на вопрос, была ли когда-нибудь между нами настоящая любовь. В этом смысле я полностью метеозависимая особь. Если в окно заглядывало солнце, бумажник распухал от наличности, а Светка при этом не вспоминала старые обиды, мне казалось, что я ее обожаю, что ближе человека на свете нет, что я вот прямо сейчас, не сходя с этого места, возьму ее на руки и унесу к звездам. Но стоило колесу фортуны сделать лишний оборот, а моей «благоверной» (ненавижу это слово) начать копаться в причинах своих несчастий, как мой мозг начинала пронзать одна и та же поганенькая мысль: «Брось ее! Брось! Уходи отсюда! Не трать свою жизнь на человека, который отнимает у тебя энергию, который питается от тебя как от батарейки. Тебе еще нет сорока, в конце концов! Даже тридцати пяти нет!».

Впрочем, если успокоиться, то можно прийти к выводу, что свою супругу я вылепил для себя сам.

Мы познакомились, когда ей было 17, а мне уже 28. Я – стреляный воробей, не собравший еще все хлебные крошки, разбросанные на пути; она – испуганная канарейка, покинувшая благоустроенную родительскую клетку. В каком-то из заезженных небесных сценариев, видимо, было написано, что между нами что-то сверкнет. Девчонка влюбилась, со временем влюбив в себя и стреляного воробья. Она еще думала, что слово «Любовь» пишется с большой буквы, а те

сложносочиненные предложения, в которых это слово фигурирует, заканчиваются красивым и поэтичным многоточием. Счастливая была девочка. Что ж я с ней сделал?

Получается, что она всему училась у меня – ревности, страсти, флирту, бесконечному и нервному ожиданию. Вере. Любовным позам, в конце концов! Училась сначала робко, полностью доверяя моему «богатому жизненному опыту», затем уже активнее вовлекаясь в процесс, а еще позднее и начиная проявлять инициативу. И не только инициативу – характер! А он у нее, если использовать литературный штамп, оказался отлитым из серьезного сплава, используемого, наверно, в строительстве «шаттлов». Дури – до фига! Но стержень, на котором эта дурь держалась, был тверже титана. Так что ничего странного не было в том, что уже через пару лет она меня «делала», что называется, с пол-оборота.

Да, всего через пару лет – после всех своих загулов, депрессий, метаний и колебаний – я имел репутацию уже не прекрасного принца, а какой-то его неудавшейся китайской подделки. Настоящий принц рано или поздно, конечно, появится, и когда это случится, его имитации придется отправиться на склад.

Да, сам виноват. Но можете меня пытаться – не признаюсь. Я вздохнул и, нажав кнопку покрытого слоем жира дистанционного пульта, включил телевизор...

...И вот тут я вспомнил! **ВСПОМНИЛ ВСЕ, ЧТО МЫ ВЧЕРА НАТВОРИЛИ.** Почему не сразу, как только проснул-

ся? Не знаю. Наверно, потому, что совесть чиста.

— ...«узнать известного предпринимателя Максима Червякова оказалось возможным только по отпечаткам пальцев», — пробубнил корреспондент из криминальной хроники местного телеканала.

Я уронил пульт.

С бизнесменом Максимом Червяковым произошла скверная история.

В тот теплый и тихий вечер ничто не предвещало беды. Макс, поцеловав на ночь супругу, отправился в клуб «Якорь» обсуждать проблемы с партнерами по бизнесу. Заодно он собирался проиграть в тамошнюю подпольную рулетку некоторое количество заработанных денег. Однако проблемы, судя по всему, оказались серьезнее, чем ожидалось, и к полуночи Червяков нализался так, что начал приставать к официанткам и (о, боже!) мужчинам-официантам с непристойными предложениями. Диапазон предложений был довольно широк – от «Пойдем, вмажем по рюмашке, я угощаю» до «Я куплю тебе дом у пруда в Подмоскovie». Партнеры по бизнесу, неудовлетворенные ходом переговоров, вскоре покинули заведение, и Макс остался один. К часу ночи его сплющило окончательно.

Он сидел за столиком, уронив голову на руки, и горько плакал. Вызванная охрана не вмешивалась, безошибочно опознав в этом исходящем соплями куске мяса своего постоянного клиента, отстегивающего приличные чаевые. Так он и лежал некоторое время. Затем неожиданно бодро поднял голову, оглядел зал ненавидящим взглядом и изрек:

– Я его, ссукуу, порву...

И тут же полез во внутренний карман пиджака, висевшего на спинке стула. Охрана напряглась. Когда рука запуталась в складках одежды, парни решили воспользоваться замешательством. Взяли клиента под локотки и приподняли.

– Пойдемте, Максим Николаевич. Мы вызвали такси, оно вас доставит до дома.

Макс с трудом разлепил заплывшие и красные от слез глазки, посмотрел на охранника.

– Домой?

– Домой, домой, Максим Николаевич. Уже поздно.

– К кому домой?

– К вам. Ваша супруга звонила, беспокоилась.

– Кто?!

Охранники не отвечали, молча делая свое дело. Они собрали Червякова и его вещи по частям, как конструктор «Лего» – рассовали по карманам бумажники и телефоны, накинули на плечи пиджак, поправили ремень – и вытолкали на крыльцо, где уже действительно поджидал «вольво» с желтыми шашечками на крыше. Прежде чем ввалиться в салон, Макс успел еще немного пообщаться с охраной:

– А мой пепелац?

– Ваша машина останется на стоянке клуба. Под надежным присмотром, не беспокойтесь.

Вот, собственно, и все, что могли рассказать свидетели и участники последнего сеанса грехопадения Максима Николаевича Червякова. Через двадцать минут его нашли

в небольшом сквере в двух минутах ходьбы от дома. Он лежал под деревом с разбитой в лепешку физиономией. Экспертиза определила, что смерть наступила вследствие многочисленных ударов тяжелым и тупым предметом (возможно, не одним). Сыскари работали всю ночь. Они выяснили и личность потерпевшего, подняли его последние личные контакты и даже звонки. Среди тех, с кем встречался погибший последние двадцать четыре часа, оказался некто Виктор Вавилов.

То есть я.

Сказать, что меня лихорадило, значит, ничего не сказать. Меня трясло как на центрифуге, желудок прилип к спине, очень хотелось рвануть в туалет и как следует проблежаться. Я подумал, что если бы меня увидела в таком состоянии жена, ей пришлось бы звонить в «скорую». Я чувствовал себя так, будто ехал на автомобиле с «калашами» в багажнике, а впереди гаишник в салатовой куртке ласково взмахнул жезлом. Еще несколько мгновений – и весь мой привычный и теплый мир рухнет к чертям: я выйду из машины, положу руки на капот... прощайте, родные, любимые, Светка-а-аа...

Самое противное заключалось в том, что я знал об этом еще вчера, когда готовился нажать кнопку «гес» на видеокамере. Я знал, что так будет, и все равно нажал ее.

Зачем?!

Я выключил телевизор. Минут через пять, проведенных в тишине, начал успокаиваться. К счастью, Светлана на кухню больше не заглядывала, возилась где-то в спальне. Я не хотел и просто физически не мог сейчас ее видеть и отвечать на вопросы типа «Что случилось?».

«Ничего не случилось, дорогая... я вчера грохнул человека. Правда, он был плохим мальчиком».

Стоп! Я – убил?! ЧТО ТЫ ГОНИШЬ!!!

Я посмотрел на свои ладони. Готов спорить, что на них в тот момент появились капли крови. Хотя это, конечно, просто пот с примесью кетчупа. Вспотели ладони у меня, вспотели-с. Убийца с потными ручками.

Я вынул из штанов сигарету и, даже не позаботившись о пепельнице, закурил. Курил долго. Закончилась первая сигарета – вытащил вторую. Когда истлела и вторая, мне в голову пришла новая мысль, совсем не похожая на те, что штурмовали мою посыпанную пеплом голову десять минут назад. От этой новой мысли мне стало даже весело, правда, веселье это было совершенно определенного характера – так веселятся сумасшедшие, которых уже не пугают ни главврач, ни санитары.

«Косилов не врал. Эта штука работает!».

...Слушай, Миш, ты мне вообще веришь? Хотя чуть-чуть?.. А то сижу тут перед тобой, как Долорес Клейборн, чуть ли не под запись все выкладываю, а ты только головой киваешь. Был бы в этом прок хоть какой-нибудь... Ладно,

не обижайся, сделай поправку на мое состояние.

Что было дальше? А дальше, Мишка, началась вообще какая-то чушь...

Я продолжал медитировать на кухне. Выйти к жене смелости не хватало – объяснить метаморфозу, произошедшую с моим лицом, я бы не смог – а чтобы позвонить Сергею, нужно было вернуться в кабинет. Не помню точно, но, кажется, я в тот момент материл Светку последними словами, умоляя ее выйти из дома.

Знаешь, когда сильно чего-то хочешь, оно случается. Только надо **ОЧЕНЬ СИЛЬНО** хотеть. Или очень сильно материть.

Я услышал фразу, брошенную Светкой уже из прихожей. Фраза эта в иных обстоятельствах могла надолго вогнать меня в ступор, но сегодня я не отреагировал:

– Вавилов, я пошла! За вещами приду завтра в обед. Постарайся исчезнуть на это время, не могу тебя видеть!

И все. Она хлопнула дверью.

Я отправился в кабинет, выкопал из-под одеяла на диванчике мобильник, набрал номер Косилова. Я даже не знал толком, что ему скажу, мне просто хотелось услышать его бестолковое заикание.

Увы, меня ожидал чудовищный по своему воздействию облом. Аппарат Косилова был вне зоны действия... либо выключен.

Я потер торцом трубки вспотевший висок, подошел к ок-

ну, отдернул занавеску. Светлана шла по двору и разговаривала по телефону.

«Ей повезло больше», – подумал я.

На одном плече у жены висела ее любимая рыжая сумочка, на втором – плотно набитая спортивная сумка. Стало быть, она действительно собирает вещи. С кем же она так энергично ругается по телефону? Обсуждает свои действия с любовником? Вполне возможно.

Я отвернулся и оглядел свой неприбранный кабинет. Это была самая маленькая комнатка в нашей «трешке». Когда-нибудь она могла стать детской комнатой, но это теперь уже под большим вопросом. Черная сумка стояла под письменным столом. Увидев ее, я вздрогнул. В груди снова ухнуло, и снова от шеи к копчику побежали мурашки. Серега знал, что делал, когда предлагал мне оставить камеру у себя. Ему, видимо, уже хватило приключений выше крыши, теперь моя очередь.

Интересно, что я собираюсь с ней делать?

«Разбей ее и забудь, что это было», – советовал разум. Вернее, та его часть, что до сих пор любила мультфильмы и манную кашу по утрам. К этому типу я прислушиваюсь чаще, чем ко второму. Но тот, Второй, иногда бывает более убедительным:

«Ты представляешь, что за штука попала в твои руки?! – шептал он. – Ты хоть можешь вообразить себе, чего с ней можно наворотить?!».

– Пошел вон, – произнес я вслух.

Но сволочь не унималась:

«В твоей жизни никогда не происходило ничего экстраординарного. Родился, учился, влюблялся, женился... и все профукал. Все! Что дальше? Эта штука перевернет всю твою жизнь, если ты научишься правильно ею пользоваться».

Я хмыкнул. Правильно пользоваться?

«Брось, – бубнил Второй, – убивают монтировкой, пистолетом, ножом, бомбой, словом. Видеосъемкой не убивают. Во всяком случае, это необъяснимо и недоказуемо. Ты не можешь за это отвечать».

– Но...

«Возьми ее!!!».

От последнего крайне сексуального «вопля» я чуть не вздрогнул. Я шагнул в комнату, склонился над сумкой. Несколько секунд смотрел в черноту ее внутренностей, потом сунул туда руку.

Миша, ты мне не поверишь, но она была теплая!

Я отдернул руку, словно меня ужалили. Я готов был поклясться, что камера нагрелась, будто последние несколько часов работала напропалую. Такого не может быть, я же ее выключил!

Я снова дотронулся до аппарата. Сомнений быть не могло. Я вынул камеру из сумки, оглядел со всех сторон. Самая обычная видеокамера, одна из тех, что используются на телевидении для выездных съемок.

Но я чувствовал себя так, как будто держал в руках нечто совершенно невообразимое, словно... словно... не могу подобрать сравнение. Как будто какой-нибудь Магический Кристалл свалился с неба, из глубин космоса, а я прогуливался по лужайке, никого не трогал и совершенно случайно оказался рядом с местом падения. Вот только кричать о находке мне совсем не хотелось.

Стараясь не попадать в поле зрения объектива, я аккуратно засунул камеру обратно, взял сумку и закинул ее на плечо. Покинул квартиру, быстро спустился на лифте вниз, не отрывая одной руки от сумки, толкнул дверь подъезда и практически лоб в лоб столкнулся с ментами. Их машина стояла на тротуаре, а по ступенькам прямо навстречу мне поднимались двое мужчин.

Я съежился. Очевидно, они это заметили. Никогда русскому человеку не избавиться от этих мурашек в генах, которые заставляют напрягаться каждый раз при встрече с сотрудниками полиции! Вроде и не совершил ничего, и совесть чиста, а почему-то втягиваешь голову в плечи и колдуешь мысленно, чтобы они прошли мимо.

Совесть моя в данный момент была чиста не до конца, и, разумеется, когда я увидел этих ребят на крыльце, на лице тут же отобразилась вся гамма чувств запуганного ментами российского налогоплательщика. Я почти прошел мимо, едва не коснувшись плечом одного из парней, но спустя пару секунд меня окликнули.

– Минуточку, молодой человек!

Я обернулся. Что творилось с моим лицом, я мог только догадываться.

– Да.

– Вы в этом подъезде живете?

– Угу.

– Вавилова Виктора Николаевича знаете?

Я попытался взять себя в руки. Ни в коем случае нельзя выдавать себя раньше времени. Нет у них на тебя ничего. Абсолютно ничего нет!

– Хотелось бы думать, что хорошо его знаю. Но иногда мне кажется, что я ошибаюсь.

Менты не поняли.

– Слушаю вас, – сказал я, ставя сумку на бетонную ступеньку.

– Вавилов Виктор Николаевич?

– Он самый.

– А можно было как-нибудь попроще, Виктор Николаевич?

Я сделал вид, что смутился. Впрочем, особо напрягаться для этого не потребовалось.

– Извините, издержки профессии. Я журналист.

Обмен любезностями был завершен. Я ждал вопросов.

– Капитан Баранов, уголовный розыск, – выставив корочку, представился тот, что начал общение. Это был высокий и аккуратно стриженный брюнет с большими бровями. Чем-то

он смахивал на кавказца, торгующего на рынке шаурмой или пряностями. Второй мент был невзрачный низенький парнишка, похожий на адъютанта.

– Догадываюсь, о чем вы хотите со мной побеседовать, – поспешил доложить я, чтобы не выслушивать длинную преамбулу. Кроме того, хотелось облегчить и свою задачу. Притворяться несведущим и изображать потрясение известием о гибели Макса Червякова я сегодня был не в состоянии.

– Вот и замечательно. – Баранов кивнул в сторону скамейки. – Присядем?

Я поднял сумку и пошел вперед, чувствуя спиной изучающие взгляды. Мы присели на лавочке под кленом. Я позволил себе закурить.

– Вы были одним из последних, с кем общался Максим Червяков. Вы уже знаете, что с ним случилось?

– Видел в новостях, – кивнул я. – Печальное зрелище.

– Вы виделись с ним лично?

– Да. Сутки назад. Он позвонил мне утром, и мы встретились.

– Где? Когда?

– На площадке у «Меги» около восьми утра.

– О чем вы говорили?

Я вздохнул. Запираться не было смысла. Солжешь в малом – потянешь за собой целый ворох чудовищных подозрений.

– Дело в том, что я, как бы это точнее выразиться... сло-

вом, должен ему некоторую сумму денег. Во всяком случае, он так считал.

– Большую?

– Четыре тысячи долларов.

Баранов кивнул. Все это время, задавая мне вопросы, он вертел в руке какой-то странный предмет, не то маленькую авторучку, не то зажигалку. Я невольно увлекся попытками расшифровать назначение этих «четок», когда сыскарь задал следующий вопрос:

– Что вы имели в виду, говоря, что так считал он?

– Потому что я сам так не считаю. У меня с ним был контракт на несколько рекламных кампаний в СМИ. Вообще-то он исправно платил, но последние реализованные мной проекты остались неоплаченными. Бухгалтерия Червякова рассчитала меня в его отсутствие.

– Вы так дорого стоите? – поинтересовался капитан, сжав непонятный предмет в кулаке.

– Ну, не так дешево, как ему хотелось бы. – Я виновато улыбнулся. – Понимаете, в мои обязанности входило не только написание текстов. На одних сочинениях на вольную тему я столько бы не заработал, конечно. Я фактически возглавлял его отдел продвижения.

Капитан взглянул на меня из-под своих густых бровей. Было видно, что он пока плохо представляет, о чем меня можно спросить. Все приличные вопросы уже заданы, осталось только поинтересоваться насчет алиби.

– А почему он отказался вам платить?

Я опустил голову, сделал вид, что задумался. Хотя нет, если честно, я действительно задумался. Почему отказался платить? Риторический вопрос.

– Не знаю, – честно признался я. – Он раньше не жадничал. Может быть, у него появились проблемы, и он решил минимизировать расходы. Такое возможно. Но в любом случае он должен быть предупреждать заранее, а не оформлять задним числом.

Я умолк. Мне казалось, что праведный гнев в отношении покойника выглядит вполне убедительно. Будь я убийцей, я, наверно, произносил бы совсем другие речи.

– Вы с ним поссорились? – спросил Баранов. – Вообще, какие отношения вас связывали?

– Приятельские. Мы были знакомы достаточно долго. На дружбу не тянуло, но врагами не были. Мне жаль, что с ним это произошло, но... – Я сделал паузу. – Не скажу, что собираюсь носить траур. Сочувствую его супруге и родителям, если они у него есть. Но деньги я им не отдам.

Баранов постукал пальцами по колену. Его напарник рассеянно оглядывал двор. Оба выглядели уставшими и, наверно, озадаченными. Перед ними сидел человек, у которого был стопроцентный повод грохнуть Червяка, но поди подберишь.

– Пожалуйста, опишите в подробностях, что вы делали последние двадцать четыре часа.

Я вздохнул, сделав вид, что был готов к подобным просьбам и пытаюсь восстановить в памяти детали. Я рассказал почти все, начиная от вчерашней утренней встречи с Червяковым и заканчивая недавним просмотром теленовостей. Упомянул я и тусовку у Косилова, и видеокамеру, которую он мне всучил. Разумеется, о ее чудодейственных свойствах и о вечернем визите к дому Червякова я докладывать не стал, хотя понимал, что рискую – нас кто угодно мог зафиксировать, тем более что к Максу при его жизни я заезжал довольно часто.

– Это все? – внимательно выслушав мой правдоподобно-сбивчивый рассказ, спросил Баранов.

– Да вроде...

«Неужели у них что-то есть? Может, я где-то что-то упустил?».

– Может быть, вы знаете, не конфликтовал ли с кем-нибудь Червяков? Ни он о чем таком он вам не говорил?

– Нет. В последнее время по причинам, которые я уже озвучил, мы мало контактировали. Чем он занимался и с кем общался, я сейчас не могу сказать.

Баранов вздохнул, снова постучал пальцами по колену. Таинственный предмет, который он использовал как четки, так и остался не идентифицированным.

– Я могу идти?

– Пока можете, но не исключено, что вы нам еще понадобятся. – Он вынул из кармана карточку, протянул мне. –

Звоните, если появится какая-либо информация, и постарайтесь пока не покидать пределы города. Мы должны знать, где вас найти.

– Я никуда не собирался.

– Вот и отлично. Всего хорошего.

– До свидания.

Я кивнул и поднялся, потянув на себя ремень сумки. Сыскари впились в нее взглядом. Наверно, я выглядел в этот момент как террорист в переполненном метро.

– Что в сумке? – поинтересовался молодой напарник Баранова.

– Видеокамера. Хотите взглянуть? – Я потянул молнию.

«Может вас сфотографировать на память, ребята?»

– Нет, не нужно.

Я закинул сумку на плечо и направился к машине. Даже не оборачиваясь, я продолжал ощущать своим незащищенным тылом острые взгляды-сверла.

Я сел в машину. Включив магнитолу, настроился на какую-то информационную волну. Под унылое бормотание диктора, сообщавшего о фантастическом подъеме промышленности и росте ВВП, закурил, посмотрел в зеркало заднего вида. Менты все еще сидели на скамейке, правда, Баранов уже энергично общался по телефону.

«Ищите, братцы, ищите, – подумал я. – В конце концов, морду Червякову разбили реальные отморозки с руками и ногами»...

Я не успел додумать эту гениальную мысль – по телу снова пробежала дрожь, от макушки до пяток. Я почти забыл, что у меня в сумке спрятано идеальное оружие и что я уже успел им воспользоваться. Интересно, найдется ли для меня статья в Уголовном кодексе?

Не думаю...

Кстати, сколько времени, Миш? Ох, елки-зеленые! Что-то душно стало... Нормально? Ну, это наверно, только мне душно. Погоди, дай минутку... Да бог его знает, стало иногда прихватывать что-то. Вот по утрам и ближе к вечеру – схватит за грудь, даже страшновато становится. Говорят, последнее, что испытываешь в своей жизни перед инфарктом, это жуткий страх. Правда?

Сейчас, погоди, пойдем дальше.

Я пристроился на ступеньках набережной нашей мелкой городской речушки – один как перст, обдуваемый ветрами. За спиной у меня шумел фонтан детского сквера, слева по мосту проносились автомобили, а на противоположном берегу, до которого я мог бы доковылять вброд пешком за пару минут, шли строительные работы. Городские власти вели уплотнительную застройку, и ни одна ценная пядь земли в центре не могла остаться незамеченной.

Я сидел, курил и слушал унылое ворчание экскаваторов. Расстегнутая сумка с видеокамерой лежала у ног в метре от меня. Начался отсчет времени, отпущенного на принятие решения. Я должен был срочно – вот прямо здесь и сейчас! – прийти к какому-нибудь выводу относительно того, что произошло в последние двадцать четыре часа, и набросать план действий, зависящий от сделанных выводов. Знаешь, Миш, по жизни я всегда старался избегать подобных форс-мажоров, меня просто выводит из себя сама мысль, что на принятие какого-то важного решения могут отводиться минуты или даже секунды. Я привык думать долго, обглаживая до косточек различные варианты, я крайне медлителен в этом смысле. Но вот в этой ситуации я чувствовал, что **ВРЕМЕНИ НЕТ СОВСЕМ!**

Я ногой отодвинул сумку с камерой еще дальше от се-

бя и устался на нее так, будто это был чемодан с миллионом долларов, принадлежащий наркомафии. Взять хочется, но если хозяева тебя найдут – прощайся с мамой.

Совершенно очевидно, что в моих руках оказался артефакт. Это и возбуждало, и пугало одновременно. И еще царяло душевное сожаление, что я не могу рассказать о своем приобретении какому-нибудь таблоиду. Вот Косилов поступил мудро – он по-тихому скинул проблему мне, а я поступить аналогичным образом уже не мог. Если мой добрый друг-заячик стал жертвой ужасного и мистического стечения обстоятельств, то я свои обстоятельства создал сам, сознательно и не без злого умысла. Булгаковской скидки за покаяние мне не выйдет.

Жалко ли мне Червякова? Я не знаю... С какой легкостью и даже игривостью мы в запале говорим что-нибудь вроде «Убил бы сволочь!», однако большинство из нас на самом деле люди вполне миролюбивые и сострадающие и убивают в худшем случае только тараканов на кухне. Лишь единицы способны претворить свои угрозы и тайные замыслы в жизнь – без всякой жалости и укоров совести.

Впрочем, мой случай особый. Я не знаю, убил ли я. И я не могу понять, жаль ли мне жертву.

Я вытянул ногу, зацепил сумку за ремень и осторожно потянул на себя. Потом сунул руку внутрь, потрогал камеру. Она все еще была теплая, и я решил, что это теперь ее обычная «рабочая» температура. Пожалуй, имеет смысл повто-

ритель попытку связаться с Косиловым. Кстати, заодно задать несколько технических вопросов.

Я вытащил камеру из сумки и, положив на землю между ног, внимательно осмотрел. Это был «Панасоник» формата mini-DV с большим видеоискателем и жидкокристаллическим монитором. Аппарат можно было носить на плече, ставить на штатив, таскать почти у самой земли – короче, по всякому. Я видел такие у телевизионных операторов на выезде. Стоил такой аппарат, по словам Косилова, три штуки баксов.

Я нащупал на боку аппарата кнопку, открывающую кассетный блок. Камера издала пару забавных пиликающих звуков, как на железнодорожном вокзале перед объявлением посадки на поезд, и выплюнула кассету. Я долго смотрел на ее торец, боясь прикоснуться. А что если вдруг?..

«Да ну, не все ли равно?! Ты *уже держишь камеру в руках!*»

Я вытащил кассету, просмотрел остаток ленты. Серега не упоминал, менял ли он кассету с того момента, когда сбросил на диск материал о похоронах депутата Колыванова. В любом случае выходит, что на ней записаны последние убийства, «совершенные» Косиловым. Пленки оставалось еще минут на 20—25, значит... кхм, значит, при желании я мог бы увидеть, как камера убивала «хаммер», косиловскую кошку и еще кого-то, о ком Серега не упоминал. Вот только особого желания смотреть все это я не испытывал.

Колыванов, Колыванов, Колыванов. Что же ты сделал с этим «Панасоником»?

Я сунул кассету обратно, камера плавно и с тем же пиликанием ее заглотила. Все, она готова работать дальше.

Я посмотрел на противоположный берег реки. Экскаваторы расчищали площадку под будущие элитные многоэтажки. Еще раньше на этом месте рабочие выкорчевали все деревья, испоганив вполне живописный берег. Скоро в двадцати метрах от воды будет стоять новый квартал. Что ж, долой самобичевание и самокопание, даешь квадратные метры любой ценой!

Я навел объектив на стройплощадку, поймал на дисплее одну из грязных ворчащих машин. «Наехал» зуммером. В кабине сидел молодой парень в коричневом комбинезоне, загорелый, вспотевший и какой-то даже счастливый. Он ловко орудовал рычагами и улыбался. Чего ты скалишься, урод? Скоро твоим детям гулять будет негде – останется один асфальт и тротуарная плитка.

Я усмехнулся сам себе. Пламенный борец за справедливость.

Мой большой палец завис над красной кнопкой с короткой и угрожающей надписью «гес». Камера стала нагреваться сильнее. Мне показалось даже, что я чувствую ее вибрацию, как у бритвенного станка с батареей в рукоятке. И еще я ощущал дичайший, просто невообразимый азарт, возбуждение, сравнимое с сексуальным, страх и какое-то

дурацкое чувство триумфа. Леонардо Ди Каприо, стоящий на носу «Титаника» и вопящий «Я – властелин мира!», просто дитя неразумное по сравнению со мной.

Я остановился в последний момент. Отвел большой палец и сделал плавный «отъезд» зуммером. Теперь в поле зрения камеры была вся площадка – со всеми уродующими ее машинами, оставшимися от деревьев пнями и горами строительного мусора.

Я нажал на кнопку.

Снимал около минуты, сделав панораму слева направо, затем выключил аппарат и быстро убрал его в сумку. По лбу покатился пот, дыхание участилось. Я поднялся со ступеньки, отряхнул задницу и сел в машину. Интересно, какого эффекта следует ожидать на этот раз?

Едва я сунул ключ в замок зажигания, как зазвонил телефон. Я едва не подпрыгнул. Нервы были как канаты, ей-богу.

– Алло?

– Пы-привет. – Это Косилов, не к ночи будь помянут. – Тэ-ты... еще жив?

Я раскрыл рот. Какой-то гадкий вопрос и очень странный голос.

– В каком смысле?

– Ну... – Серега замялся. – Я слышал новости утром по радио. Тебя, наверно, по всему городу с собаками ищут.

Я промолчал. Серега тоже не торопился что-то добавлять. Может быть, и он видел сегодня на своих потных руках нечто

похожее на кетчуп?

– Что будем делать? – спросил я. На большее меня не хватило.

– Пока не зы... знаю.

– Почему пока?

– Потому что... – он перевел дыхание. Слова ему сегодня давались с особым трудом. – Па..патаму что еще ничего не закончилось.

– В каком смысле?!

Он не торопился с ответом, но я чувствовал, что на сей раз дело не в проблемах с дикцией.

– Серж! – поторопил я.

– Короче, Витя... Я когда сегодня увидел это по телевизору, я подумал, что... Кстати, у тебя есть время?

– Если ты не собираешься пересказывать передовицу «Коммерсанта».

– Н-нет. У меня есть кое-какие мысли, я много думал и позавчера, и вчера, когда ты привез меня домой, и раньше.

Я огляделся вокруг, нервно постучал пальцами по рулю. Я не вынесу его философского мычания!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.